

306 ММВ

ВОЙНА Цѣна отд. № 15 коп. НОВЫЙ III-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ. САТИРИКОН

№ 28

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1915

9 ЮЛЯ.

Рис. Ре-ми.

При этомъ номерѣ всѣмъ годовымъ подписчикамъ разсылаются 1-я премія „Нового Сатирикона“ — „Осиновый колъ“. (На могилу зеленого змія.)
Лица, не получившія преміи, благоволятъ сообщить объ этомъ въ контору журнала.

ГИБКІЙ НѢМЕЦКІЙ ЯЗЫКЪ.

Военный обозрѣватель газ. „Berliner Tageblatt“ маіоръ Моратъ пишетъ, что нѣмцы не должны самообольщаться исходомъ галиційской операціи и что въ этомъ смыслѣ со стороны русскихъ возможны всякіе сюрпризы.

1-й офицеръ: — Что это вы такой блѣдный и встревоженный?
2-й офицеръ: — Да дѣла на нашемъ фронтѣ все хуже и хуже: мы опять побѣдили русскихъ.

ДАЧИ ЭТОГО ГОДА.

— Хорошо бы поѣхать въ городъ подышать чистымъ воздухомъ!..

ВОЙНА И ДАЧА.

I. На пляжъ.

Тихо спитъ земля палимая,
Угнетая воду плѣнную...
Тишина неодолимая,
Оковала всю вселенную.
Даль повисла безъ движенія,
Неживой и блѣдной гаммою;
И нѣмая отраженія
Стынутъ мертвой амальгамою.
И ничто уже не движется,
И нигдѣ уже не плещется
Вѣтромъ тронутая жижица —
Голубая перебѣжчица.
Только маленькое облачко
Проплываетъ надъ кабинкою,
Какъ серебряная воблочка
Съ позолоченною спинкою,
Да сухая масса гравія
Собирается расплавиться...
Ну, ни дать, ни взять — Аравія!
Впрочемъ, нѣкоторымъ нравится...
Не земля, — что спитъ палимая,
Угнетая воду плѣнную,
И не тишь неодолимая, —
Что сковала всю вселенную,
И не море съ мертвой рамою —
Безъ волны и безъ движенія,
И не гамма съ амальгамою,
Гдѣ погибли отраженія,
А — фигурка надъ заливчикомъ,
Съ молодой головкой круглою,
Что взмахнула бѣлымъ лифчикомъ
Надъ своею грудью смуглою.

II. Крокетъ.

Сегодня утромъ я и Кэтъ,
Надѣвши бѣлыя перчатки,

Безбожно рѣзались въ крокетъ
На огороженной площадкѣ.
За молотками мы — враги;
Она — строгая, дрожать ручонки...
Какая линия ноги
У этой розовой дѣвчонки!
Когда сегодня — чуть жива —
Стараясь вырваться изъ плѣна,
Она взметнула кружева
Почти до самаго колѣна, —
Я на нее смотрѣлъ, какъ тать...
Да что тамъ! Все равно, не скрою!
Готовъ всегда глаза питать
Одною Кэтовой икрою!

III. Гамакъ.

Стоитъ сосна.
Стоитъ другая.
А между ними виснетъ сѣтъ.
Возставъ отъ сна, —
Почти нагая —
Мими выходитъ «повисѣтъ».
Заботы нѣтъ,
Одна услада...
Синѣютъ гдѣ-то небеса...
И льется свѣтъ
Сквозь вѣтви сада
На молодья тѣлеса.
Мими въ огнѣ.
Молчитъ аллея.
Смолою густо дышитъ ель...
А въ сторонѣ,
Дрожа и млѣя,
Коко въ заборѣ ищетъ щель.

IV.

Крокетъ... Гамакъ... И лифъ на пляжѣ...
И солнце свѣтитъ съ высоты...
Великій Господи! Когда же?...
Вы понимаете, скоты?!!

Владиміръ Воиновъ.

ПСИХОЛОГЪ КОРКИНЪ.

— Ахъ, господа, — вдохновенно произнесъ Миша Коркинъ, — не то это все, не то... Развѣ они то, что нужно, пишутъ?...

— Ну, конечно, гдѣ имъ! — сочувственно поддакнули пріятели.

— Я и рѣшилъ самъ поѣхать туда... Развѣ важно знать, какъ они побѣждаютъ и умираютъ?... Развѣ интересно названіе полка и деревушки?!.. Важно другое...

— А что, Миша? — заискивающе спросилъ кто-то.

— Психологія важна... Важно узнать, съ какимъ чувствомъ человѣкъ умеръ...

— Что же, ты покойниковъ интервьюировать будешь, что ли?

— Зачѣмъ, зачѣмъ!.. Я буду разговаривать со всѣми, я буду вскрывать то, что скрыто для глаза... Солдатъ — его психологія, сестра — ея психологія, санитаръ — его пси...

— А если ты артиллерійскую повозку встрѣтишь, Миша, къ лошади, что ли, привяжешься?..

Миша отмахнулся рукой и что-то пошепталъ. Черезъ два дня мы провожали его на войну.

— Помни, Миша, что долгъ печати въ такое время...

— Я ѣду съ палитрой художника, со скальпелемъ анатома, — растроганно сказалъ Миша съ площадки вагона, — съ рѣзцомъ скульптора, съ карандашомъ журналиста...

— Въ пассажирскомъ поѣздѣ и столько вещей! — уныло кинулъ кто-то изъ провожавшихъ, — смотри, Миша...

* * *

Первый официальный пріемъ неприятно подѣйствовалъ на Мишу Коркина.

— Для меня, собственно, не важно это, — ласково говорилъ онъ, вызвавъ полковника изъ штаба, — я не за этимъ... Вотъ я хотѣлъ васъ спросить... Вы сами лично бывали въ бою?..

— Я, — удивился полковникъ, — былъ... Семь разъ...

— Скажите мнѣ, — Миша наклонился къ его уху, — не было у васъ такого момента: вотъ идутъ нѣмцы, несутъ удушливые газы, пищитъ шрапнель, а вы вдругъ вспоминаете о цвѣткѣ, который вамъ подарила Наташа...

— Наташа? — неопредѣленно переспросилъ полковникъ.

— Можетъ быть, ее зовутъ Лиза... Или вдругъ вмѣсто окоповъ — поле, а по нему зайцы бѣгаютъ...

— Извините, я тороплюсь...

— Одну минуту... Развѣ вы не переживали въ этотъ моментъ какую-то острую тоску по дѣдовскомъ пианино съ желтыми клавишами, о дѣвушкѣ въ сиреновомъ...

— Я не позволю, молодой человѣкъ, — сухо кинулъ полковникъ, — печать, печатью, а...

— Развѣ вамъ не казалось... Хорошо, и я съ вами... Мнѣ нельзя? Куда же вы?... Станный человѣкъ... У интеллигента психологія какъ-то дальше ушла... У него не вырвешь ее... Но вотъ простая, грубая душа, черноземное сердце...

* * *

— Солдатикъ... А солдатикъ... Ты что дѣлаешь?

— Такъ что ногу разую, господинъ... Портянка, ежели она прилипнетъ...

— Портянка... — прошепталъ Миша, — какое откровеніе для насъ, мятущихся... Черноземное большое, бытовое слово... А ты гдѣ былъ?... Работалъ, солдатикъ?

— Да нѣтъ... Такъ тутъ вотъ, неподалече... Съ нѣмцами дрался...

— Ты сейчасъ былъ въ бою? — радостно вздрогнулъ Миша Коркинъ, — ты сейчасъ пережилъ то великое, то захватывающее, то наполняющее душу безграничной...

— Чего-съ? — вѣжливо спросилъ солдатъ.

— Видишь ли, солдатикъ, я психологъ...

— Та-акъ, — почтительно согласился солдатъ, — со-снуть маленько думалъ...

— Что ты чувствовалъ, солдатикъ?... — ласково спросилъ Миша, садясь рядомъ и вынимая блокъ-нотъ, — что ты переживалъ въ тѣ долгія минуты, когда твой штыкъ входилъ въ тѣло врага? Что ты переживалъ, когда надъ твоей головой взмахнула шашка венгерскаго гусара? Что ты пе-

редумалъ, — горячо повысилъ голосъ Миша, — когда увидѣлъ, что кругомъ поютъ пули, идутъ люди?..

Солдатъ виновато вздохнулъ, надѣлъ портянку и натянулъ сапогъ.

— Почувствовалъ ли ты, солдатикъ...

— Простите, господинъ, ежели я что, — сконфуженно пробормоталъ солдатъ — съ боя, значить, ну, и устамши...

— Я хотѣлъ тебя спросить... Уходишь? Ну, какъ знаешь... Ахъ, добрая, простая душа... Какъ трудно подойти къ тебѣ городскому человѣку, безъ словъ, которыя бы...

* * *

— Докторъ, — тихо спросилъ Миша Коркинъ, останавливая того за рукавъ, — вотъ вы сейчасъ вынули этому человѣку пулю...

— Что же, вамъ жалко?! — хмуро спросилъ докторъ, — сейчасъ еще другому выну... Я занятъ.

— Я хотѣлъ попросить васъ...

— Ранены? Куда? Раздѣньтесь... У меня еще въ со-сѣдней палаткѣ столько...

— Докторъ... Вотъ вы вынули пулю... Скажите мнѣ, что вы думали, когда опускали свою руку...

— Какъ, то-есть, что думалъ? Операція превосходно сошла...

— Я не о томъ, докторъ... Я говорю о сердцѣ...

— Сердце не затронуто...

— О нашемъ сердцѣ, докторъ... Я хотѣлъ спросить: что переживаете вы, когда передъ вами находится...

— Послушайте, — сухо сказалъ докторъ, — вамъ, можетъ быть, некогда?

— Да нѣтъ, я не особенно занятъ.

— А я наоборотъ. Одинъ изъ насъ долженъ уйти отсюда. Къ сожалѣнію, я этого сдѣлать не могу...

* * *

— Дѣвушка... Добрая, тихая дѣвушка, — мягко спросилъ Миша Коркинъ, — что вы чувствуете здѣсь, среди этой крови и страданій, когда по цѣлымъ недѣлямъ вы не получаете писемъ отъ вашего жениха?..

Сестра милосердія положила въ сторону марлю и поблѣднѣла.

— Что вы! Я замужемъ... Мой мужъ офицеръ... Вы навѣрное ошиблись... Моя фамилія Лукьянова...

— Фамилія... Развѣ она что-нибудь говоритъ!.. Скажите, развѣ васъ не тянетъ уйти отсюда въ степь, смотрѣть на желтыя травы и догорающій закатъ?!

— Какая степь?.. У меня еще тридцать двѣ перевязки...

— Развѣ вамъ по ночамъ не кажется... въ безсонныя долгія ночи, — что, если бы у васъ были крылья...

— Безсонныя? Вы бы вотъ попробовали цѣлый день на ногахъ... Что тебѣ, испить? Сейчасъ, сейчасъ...

— Я психологъ, — обиженно вставилъ Миша.

— Это тамъ, въ другой палаткѣ, — кинула сестра милосердія, — какъ выйдете — налѣво...

«Женская душа многогранна, — подумалъ Миша Коркинъ, выходя, — къ ней нужны особые пути...»

* * *

— Вы житель этого мѣстечка? Да? А что, много у васъ шпионовъ?

— Шпионовъ?... Не знаю...

— А что, жутко быть шпиономъ?

— Я, ей Богу, никогда этимъ не занимался...

— Я, видите ли, психологъ... Коркинъ, Михаилъ Петровичъ.

— Очень пріятно. Будинъ. Извините, ждуть меня...

— Вотъ вы житель этого мѣстечка... А что вы должны были бы почувствовать, если бы въ одно прекрасное утро васъ обвинили въ шпионствѣ и обвинили бы справедливо?.. Предъ глазами туманныя пятна, въ душѣ удары молота, въ сердцѣ... Боже мой, какъ быстро бѣгаютъ эти мѣстные жители...

* * *

Блокъ-нотъ Миши Коркина остался не заполненнымъ. Все-таки изрѣдка онъ пишетъ въ журналахъ и газетахъ статьи и рассказы о психологіи войны.

Вы понимаете, почему я не читаю ихъ?

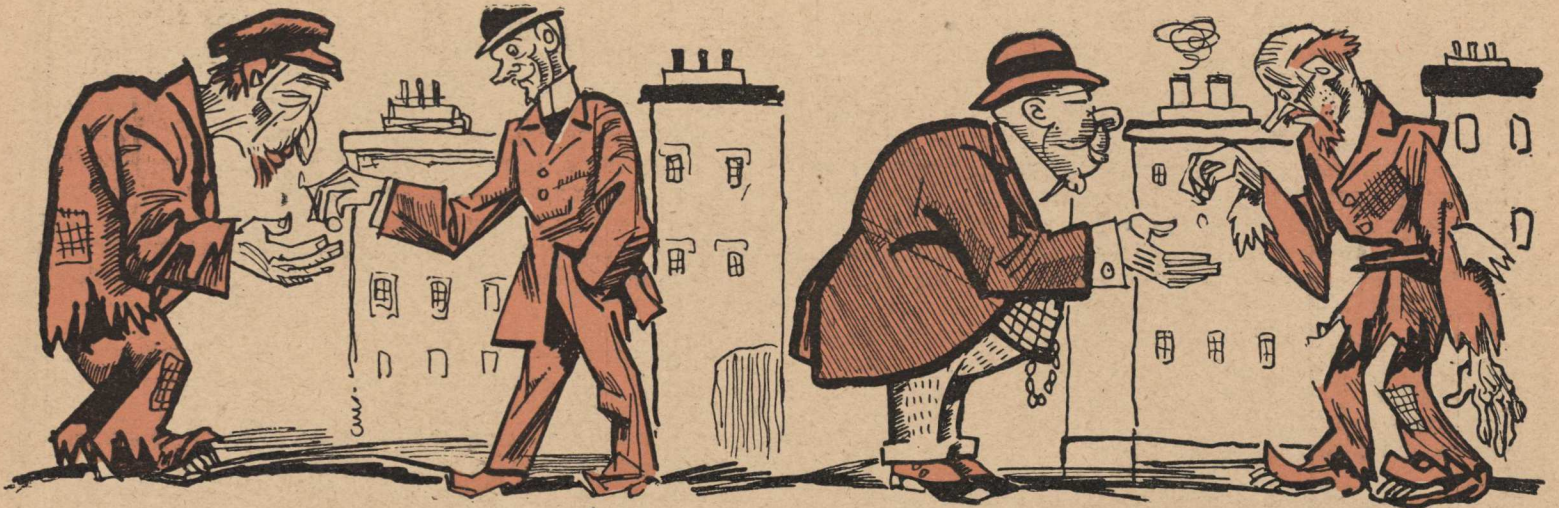
Арк. Буховъ.

СМОТРИ ВЪ КОРЕНЬ.

Рис. А. Радакова.

Чтобы понять какое-нибудь явление, нужно его осветить со всех сторон.

И. Фунькинъ (служащий въ Обществѣ электрическаго освѣщенія).

Изъ Фонтанки вытасень трупъ молодого человека, прилично одѣтаго. Бѣдняга лишилъ себя жизни за неимѣнiемъ средствъ къ существованiю.

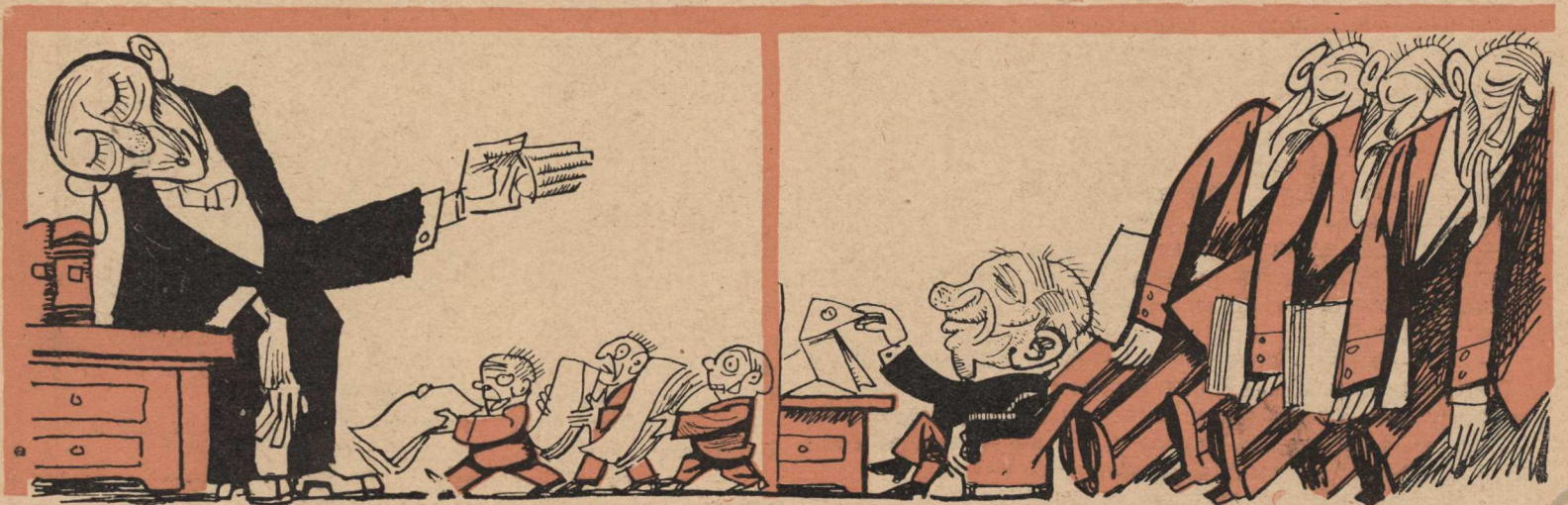
(Изъ газетъ.)

Такъ казалось.

Въ тюфякъ умершаго нищаго нашли 50.000 р.

(Изъ газетъ.)

Такъ было.

На-дняхъ, для поправки здоровья, уѣзжаетъ за границу нашъ уважаемый, г. Х. Въ послѣднее время г. Х. пришлось страшно много работать, такъ какъ г. Х. все дѣлалъ самъ, не довѣряя своимъ помощникамъ.

(Изъ газетъ.)

Такъ казалось.

И такъ было.

Ф. Шаляпинъ опять не принялъ курсистку, просившую его пѣть въ пользу ясель для недоношенныхъ котятъ.

Грубость этого гениа начинается, дѣйствительно, переходить всякія границы. Стыдитесь, Федоръ Ивановичъ!

(Изъ газетъ.)

Такъ казалось.

И такъ было и есть — каждый, каждый день!

ВЪ ГОСТЯХЪ У ПОДХОДЦЕВА*)

Разсказъ Арк. Аверченко.

Въ большой комнатѣ, въ которой жили раньше трое, а теперь, послѣ женитьбы Подходцева, только двое, было тихо... Даже мышь не скреблась подъ поломъ — вѣроятно, издохла отъ безкормицы. Въ комнатѣ находился одинъ толстый Клинокъ. Конечно, онъ лежалъ на кровати.

Его дѣла, какъ и дѣла Громова, пришли въ упадокъ: доходовъ не было, а расходы требовались колоссальные: на одну ѣду уходило не меньше рубля въ день. Да квартира, на оплату которой расходовалось, вмѣсто денегъ, чрезвычайно много нервовъ (при объясненіяхъ съ хозяйкой), да папиросы, да то и сѣ...

Беззвучные вздохи раздирали массивную грудь Клинокъ.

— А тутъ еще Громовъ исчезъ, — думалъ Клинокъ. — Навѣрное, попалъ въ компанію миллиардеровъ и забылъ думать обо мнѣ.

Но въ этотъ самый моментъ, въ видѣ нагляднаго, фактическаго опроверженія, въ комнату влетѣлъ запыхавшійся Громовъ.

— Что это ты, братъ?! — спросилъ Клинокъ, скосивъ на него глаза. — Будто бы только что изъ церкви вырвался?

— Почему... изъ церкви?

— Да вѣдь ты принадлежишь къ тому незадачливому разряду людей, которыхъ и въ церкви бьютъ. Вотъ я и думалъ...

— Ты? Думалъ?! Можетъ ли съ тобой это случиться? Развѣ можно на мясорубкѣ сыграть шопеновскій вальсъ? «Думающій Клинокъ»! Хм!..

— Тебя это удивляетъ? Очень просто: я думаю беззвучно, поэтому снаружи ничего не замѣтно, а ты, когда надъ чѣмъ-нибудь задумаешься, то въ твоей головѣ слышится легкое потрескиваніе. Будто чугунная печка постепенно накаливается.

— Хочешь, я тебя сейчасъ водой оболью?

— Если ты этимъ докажешь высокое состояніе твоихъ умственныхъ способностей — обливай.

— Просто оболью. Чтобъ ты не приставалъ.

— Не надо. Я предпочитаю сухое обращеніе.

— Недурно сказано. Запишу. Можетъ быть, въ редакціи «Скворца» за это намъ заплатятъ рублишку. Кстати! Сейчасъ швейцаръ передалъ мнѣ письмо съ адресомъ, написаннымъ женскимъ почеркомъ...

— Тебѣ письмо?

— Нѣтъ.

— Мнѣ?!

— Нѣтъ.

— А кому же?!

— Намъ обоимъ.

— Станный вы народъ, ей Богу. Сколько васъ по всѣмъ церквамъ ни бьютъ, все вы не умнѣете. Отъ кого письмо?

— Недоумѣваю. Навѣрное, какая-нибудь графиня, увидя меня на прогулкѣ, пишетъ, что я поразилъ ее до глубины души.

— Возможно. Если она гуляла на огородѣ, а ты стоялъ въ своей обычной позѣ — растопыривъ руки и скривившись на бокъ для наведенія ужаса на пернатыхъ.

Не слушая его, Громовъ разорвалъ письмо и вдругъ вскричалъ въ неописуемомъ удивленіи:

— Не сонъ ли?! Знаешь, кто намъ пишетъ? Madame Подходцева!

— Уже?

— Что уже?

— Собирается измѣнить Подходцеву?

— Кретинъ!

— Первый разъ слышу. Что она тамъ пишетъ? Не просить ли развести ее?

— «Многоуважаемые Клинокъ и Громовъ»...

— Видишь, меня перваго написала, — съязвилъ Клинокъ. — А тебя приписала такъ ужъ... изъ жалости.

— «Я знаю, что, выйдя замужъ за Боба, я похитила у васъ любимаго друга, но, надѣюсь, вы на меня не сердитесь. Чтобы доказать это, приходите нынче вечеромъ пить чай. Познакомимся и, думаю, будемъ друзьями».

— Ишь ты, пролаза, — проворчалъ Клинокъ. — Сколько сахара! Больше тамъ про меня ничего нѣтъ?

— Есть. Вотъ: если Клинокъ, благодаря своей толщинѣ, не пролѣзетъ въ квартиру, мы ему вышлемъ чаю на улицу, къ воротамъ... Впрочемъ, можетъ быть, онъ сидитъ въ лѣчебницѣ для умалишенныхъ, и потому...

— Брось, надоѣлъ. Какъ она подписалась?

— «Ненавиственная вамъ Ната Подходцева».

— Правильно. Такъ что же мы... пойдѣмъ?

— Противно все это. А?

— Тошнехонько. Вышитыя салфеточки, на чайникѣ вязанный гарусный пѣтухъ...

— Вѣрно. А Подходцевъ лежитъ въ халатѣ на диванѣ, куритъ трубку и заказываетъ кухаркѣ на завтра обѣдъ.

— А сбоку полотеры ерзаютъ по полу, стекольщики вставляютъ стекла, а въ углу мамка полощетъ пеленки.

— Съ ума ты сошелъ? Они всего два мѣсяца, какъ поженились!

— Ну да, — скептически покривился Клинокъ. — Будто ты не знаешь Подходцева. Такъ пойдѣмъ?

— Чортъ ихъ знаетъ. Правда, что тамъ накормятъ. А я съ утра ничего не ѣлъ.

— Красивая она, по крайней мѣрѣ?

— Клинокъ!!

— И о чемъ съ ними говорить, спрашивается?

— Сейчасъ видно, что ты не бывалъ въ хорошемъ обществѣ. Ну, вотъ, скажемъ, приходимъ мы... «Здравствуйте, какъ поживаете?» — «Ничего себѣ, спасибо. Садитесь». Сѣли. Оглядываемся. «Хорошая у васъ квартирка. Не дуешь?» — «Что вы, что вы!» — «Съ дровами?» — «Безъ дровъ». А за дрова теперь такъ дерутъ, что силъ нѣтъ». — «Да, ужъ эти дрова», — «Можно вамъ чаю стаканчикъ?» — «Пожалуй». Понимаешь? Этакая нерѣшительность: «пожалуй». Могу, молъ, и не пить. А то вѣдь я тебя знаю... Предложишь тебѣ чаю, а ты хлопнешь себя по животу, да еще подмигнешь, пожалуй: «Ежели съ ветчиной, да съ семгой, то я и полдюжинки пропущу».

— Гм... да. Можетъ, тамъ рѣчи какія-нибудь за столомъ нужно говорить?

— Какія рѣчи?

— Ну тамъ, по поводу брака: «умъ, молъ, хорошо, а два лучше».

— Тамъ будетъ видно. Только ты ужъ не забудь, когда войдемъ, ручку у нея поцѣловать.

— На этотъ счетъ я ходокъ.

— Еще бы. Сколько побоевъ принялъ — пора научиться. Кстати... могу тебѣ дать три совѣта: на коверъ не плюй,

*) См. «Паденіе Подходцева» (№ 26 «Нов. Сат.»).

въ самоваръ окурки не бросай и, если будешь ѣсть крылышко цыпленка, — руки потомъ объ волосы не вытирай.

— О свои не буду. А объ твои готовъ хоть сейчасъ.

Переругиваясь, эти странные друзья принялись за свой туалетъ.

Подходцевъ, видимо, немного конфузился своего новаго положенія. Въ передней встрѣтилъ Клинкава преувеличенно шумно.

— А-а! Клинище-голенеце... Здравствуй, старый мотъ! Давно пара... А гдѣ же Громовъ?

— Онъ тамъ... на площадкѣ.

— Почему?

— Стѣсняется, что ли. Капризничаетъ. Не хочетъ идти.

Подходцевъ выглянулъ изъ передней и увидѣлъ Громова, съ громаднымъ интересомъ и вниманіемъ читавшаго дверную доску, на которой было ровнымъ счетомъ написано три слова.

Затративъ на чтеніе время, достаточное для просмотра газетной передовицы средняго размѣра, Громовъ обернулся и увидѣлъ Подходцева.

— Чего жъ ты остановился тутъ, на площадкѣ, чудакъ?!

— Я сейчасъ. Отдохну только тутъ немного... Почитаю.

— Иди, иди. Нечего тамъ. Вотъ, господа, позвольте васъ познакомиться съ моей женой: Наталья Ильинишна.

Клинковъ прищелкнулъ лихо каблукомъ и стремительно клюнулъ краснымъ носомъ узкую душистую ручку. Громовъ томно поднесъ другую ручку къ губамъ и съ нѣкоторой наругой проворчалъ:

— Хорошенькая у васъ квартирка...

— Осель, — толкнулъ его тихонько въ бокъ Клинокъ. — Мы же еще въ передней.

Перешли въ гостиную.

— А дѣйствительно прекрасная квартирка, — воскликнулъ Громовъ съ преувеличеннымъ восторгомъ. — И много, скажите, платите?

— Сто десять.

— Съ дровами?

Подходцевъ не удержался.

— До вашего прихода квартира была безъ дровъ; теперь — съ дровами.

— А была, ты говоришь, безъ дровъ? — спросилъ Клинокъ. — Можно подумать, что ты никогда не бываешь дома...

— Пойдемте пить чай, — сказала хозяйка, выглядывая изъ столовой.

— Не откажусь, пожалуй, — поклонился Клинокъ. — Чай полезное зелье.

— Что ты говоришь! — ахнулъ Подходцевъ. — Неужели это правда? Откуда ты это взялъ? Неужели самъ придумалъ? Наверное, кто-нибудь сообщилъ?

— Ну, покажи же намъ свою квартиру, — подтолкнулъ Клинокъ Подходцева. — Я думаю, изнываешь отъ желанія похвастаться благополучіемъ...

— Да что жъ вамъ показывать... Вотъ это столовая.

— И вѣрно. Столовая. Все въ аккуратѣ. А гдѣ гарусный пѣтухъ, который на чайникъ нахлобучиваютъ?

— Пѣтуха нѣтъ.

— Упущеніе. А гардиночки славныя.

Прямо сердце радуется. И салфеточки вышитыя.

— Ты, кажется, грозилъ мнѣ, что будешь въ нихъ сморкаться...

Клинковъ вспыхнулъ и отвернулся отъ Натальи Ильинишны.

— Не выдумывай, Подходцевъ.

— Да ужъ ладно. Это вотъ мой кабинетъ.

Громовъ похлопалъ ладонью по спинкѣ кресла:

— Кожа?

— Она самая.

— Здорово пущено. А чернильница-то! Когда я помру — поставь ее надъ моей могилой. Совсѣмъ, какъ памятникъ. А книгъ-то, книгъ-то! Каждая небось съ переплетомъ рубля по три...

— И всѣ десять заплатишь, — подхватилъ Клинокъ съ непроницаемымъ выраженіемъ лица.

— А коверъ-то! Фу-ты, ну-ты...

Отъ яркаго ли свѣта или отъ чего другого, но тѣни на скулахъ Громова сдѣлались рѣзче и обозначились двумя темными впадинами. И голосъ, несмотря на наружный восторгъ, изрѣдка вздрагивалъ и срывался.

— Ты похудѣлъ, Громовъ, — мягко замѣтилъ Подходцевъ. — Какъ дѣла?

— Дѣла? Замѣчательны. Денегъ такъ много, что мы стали вести съ Клинковымъ грѣшный образъ жизни, что, какъ извѣстно, ведетъ къ похудѣнію.

Перешли въ гостиную.

— Это вотъ гостиная, — отрекомендовалъ Подходцевъ.

— Какъ ты не спутаешься, — удивился Клинокъ. — Каждую комнату узнаешь сразу.

Наталья Ильинишна окинула хозяйскимъ взглядомъ предиванный столикъ и удивленно спросила:

— А куда же задѣвался альбомъ?

Подходцевъ смутился.

— Да я его... тово... положилъ на этажерку.

— Съ чего это тебѣ вздумалось? Всегда лежалъ на столѣ, а ты вдругъ...

И безжалостная жена извлекла откуда-то и положила на столъ пухлый плюшевый альбомъ, точно такого вида, какъ описывалъ его ядовитый Клинокъ передъ женитьбой Подходцева.

Чтобы замаскировать смущеніе, Подходцевъ отвернулся отъ стола.

— А вотъ, господа, рояль.

Громовъ добросовѣстно осматрѣлъ и рояль, приблизивъ глаза къ самой полированной крышкѣ, будто бы онъ разсматривалъ не рояль, а маленькое диковинное насѣкомое...

— А теперь къ столу, господа, къ столу!

Было все... Сверкающій самоваръ. Бутылка коньяку. Бутылка бѣлаго вина. Графинчикъ рому. Свѣжая икра. Семга. Ветчина. Сардины. Холодныя телячьи котлетки. Сверкающая бѣлизной посуда. Чудесно вымытыя салфетки. Около икры — лопаточка! Около сардинъ — другая! Около семги двузубая фигурная вилочка!

Подходцевъ не зналъ куда дѣвать глаза. А Клинокъ сидѣлъ, ѣлъ за троихъ и жегъ Подходцева горячимъ взглядомъ.

Послѣ третьей рюмки Громовъ вдругъ застучалъ ножомъ по тарелкѣ. Бѣдняга сдѣлалъ это машинально, просто по привычкѣ къ ресторану, гдѣ такимъ образомъ подзывается официантъ для перемѣны тарелокъ или для чего другого.

Но тутъ же опомнился и съ ужасомъ поглядѣлъ на хозяевъ.

— Bravo, — не понялъ его Подходцевъ. — Громовъ хочеть сказать рѣчь. Говори, дружище, не бойся.

Это все-таки былъ выходъ.

— Господа! — началъ Громовъ, запинаясь. — Русская пословица говорить: «Одна голова не бѣдна, а если и бѣдна, то одна»... Гм! то-есть не то! я хотѣлъ сказать другое. Впрочемъ... Зачѣмъ слова, господа? Главное — поступки! Гм!...

И совершилъ поступокъ: сѣлъ и обжегъ себѣ губы чаемъ.

Домой возвращались угрюмые.

— Насколько я понялъ твой стукъ ножомъ по тарелкѣ, — сердито сказалъ Клинокъ, — ты просто звалъ официанта?

— Понимаешь... Я совсѣмъ машинально. Привычка...

— Знаешь, чего я боялся?

— Ну? — робко взглянулъ на него измученными глазами Громовъ.

— Что ты, когда поужинаемъ, вдругъ застучишь по тарелкѣ и скажешь: «Человѣкъ, счетъ!»

— Ты психологъ.

Оба остановились, подняли лица къ лунному небу, и Клинокъ сказалъ тихо:

— Нѣтъ... Намъ съ тобой въ различныхъ домахъ нельзя бывать.

Громовъ серьезно добавилъ:

— Кто знаетъ. Можетъ быть, въ этомъ тоже наше счастье.

— Аминь.

Аркадій Аверченко.

ГИМНЪ КРИТИКУ.

Отъ страсти извозчика и разговорчивой прачки
Невзрачный дѣтенышъ въ результатѣ вытекъ.
Мальчикъ не мусоръ, — не вывезешь на тачкѣ,
Мать поплакала и назвала его: критикъ.

Отецъ въ разговорахъ вспоминалъ родословныя,
Любилъ поспорить о правахъ материнства.
Такое воспитаніе, свѣтское и салонное,
Оберегало мальчика отъ уклона въ свинство.

Какъ роется дворникомъ къ кухаркѣ сапа,
Щебетала мамаша и калсоны мыла;
Отъ мамыши мальчикъ унаслѣдовалъ запахъ
И способность вникать легко, какъ мыло.

Когда онъ выросъ, приблизительно, съ полѣно
И веснушки рассыпались, какъ рыжики на блюдѣ,
Его изящнымъ ударомъ колѣна
Провели на улицу, чтобъ вышелъ въ люди.

Много ли человѣку нужно? — клочекъ,
Небольшія штаны и что-нибудь изъ хлѣба.
Онъ носомъ хорошенькимъ, какъ построчный пятачекъ,
Обнюхалъ пріятное газетное небо.

И какой-то обладатель какого-то имени
Нѣжнѣйшій въ двери услышалъ стукъ.
Скоро критикъ изъ именитаго вымени
Выдоилъ и брюки, и булку, и галстукъ.

Легко смотрѣть ему, обутому и одѣтому,
Молодыхъ искателей изысканныя игры
И думать, какъ хорошо, ну, хотя бы этому
Потрогать зубенками шальныя икры.

Но если просочится въ газетной сѣти
О томъ, какъ великъ былъ Пушкинъ или Дантъ,
Кажется, будто разлагается въ газетѣ
Громадный и жирный официантъ.

И когда вы, наконецъ, въ столѣтній юбилей
Продерете глазки въ кадильной гари,
Имя его первое, голубицы бѣлѣй,
Чисто засяетъ на поднесенномъ портсигарѣ.

Писатели, насъ много! Соберемте миллионъ
И богадѣлю критикамъ построимъ въ Ниццѣ.
Вы думаете, легко имъ наше бѣлье
Ежедневно прополаскивать въ газетной страницѣ!

Вл. Маяковскій.

НА МОИХЪ ЭТЮДАХЪ.

Однажды въ бесѣдѣ съ пріателемъ-художникомъ я бросилъ такую мысль:

— Вашему брату что: присѣлъ на траву, просунулъ палецъ въ палитру, вооружился кисточкой и катая на холстъ... дерево — дерево, корова — валяй корову, все, что ни узришь, шпарь на холстъ!.. Эхъ, будь я художникомъ — вотъ бы вамъ утеръ носъ!

Эта мысль забила въ самый уголокъ какой-то извилины моего мозга. И вотъ въ одинъ прекрасный день, неожиданно, выльзла она оттуда.

— Развѣ я не чувствую переливовъ закатнаго неба?.. Развѣ я не переживаю настроеній: грустнаго у разрушенной избушки и радостнаго у пышнаго цвѣтника?.. Развѣ солнечные блики сквозь ажуръ листвы не волнуютъ меня?.. Къ чему мнѣ передавать мои ощущенія природы словами, когда я могу передать ихъ красками?.. Пусть мое перо отдохнетъ, я возьму въ руки кисть...

Я отложилъ бумагу и перо, отодвинулъ чернильницу на самый край стола, потому что-то подумалъ и заставилъ чернильницу толстой книгой. И пошелъ приобрѣтать: краски, кисти, мольбертъ, холстъ, подрамники и складной стулъ.

Въ первый же солнечный день я перекинулъ черезъ плечо ящикъ на ремнѣ и пошелъ на этюды.

— Вотъ, — остановилъ я свое вниманіе, — напишу этотъ выступъ прибрежной горки съ соснами!

Я сѣлъ, какъ матерой, посѣдѣвшій на этюдахъ, художникъ, на складной стулъ, приготовилъ дощечку, разложилъ краски и... задумался:

— Съ чего начать?.. Надо было бы поглядѣть, какъ они, черти, начинаютъ!

И вдругъ меня осянило: я вспомнилъ, какъ въ моей городской квартирѣ красили полъ!

— Съ грунта! — радостно воскликнулъ я.

— Съ грунта-то съ грунта, но какого цвѣта долженъ онъ быть? — уже болѣе спокойно разсуждалъ я. — Если сдѣлать его зеленымъ, то на немъ не будетъ выдѣляться зелень; если сдѣлать его сѣрымъ, не видно будетъ песка и пыли...

Я рѣшилъ предоставить рѣшеніе вопроса о грунтѣ случаю: я зажмурилъ глаза и выхватилъ наудачу первую попавшуюся трубочку съ краской.

Прочелъ надпись на трубочкѣ:

— Сіена!

— Сіена — такъ сіена. А вдругъ она — зеленая и придется отказаться отъ зелени?..

Я торопливо отвинтилъ крышечку и выдавилъ изъ трубочки тоненькую макарону краски.

— Коричневая, а пишутъ: сіена!

Быстро разнесъ плоской кисточкой сіену на дощечку.

Загрунтовавъ, я выдавилъ на палитру крап-лакъ.

— Красный стволъ у сосны бываетъ, но лучше смѣшать съ бѣлилами: естественнѣй!

Смѣшалъ, получился тонъ розовыхъ юбокъ деревенскихъ щеголихъ.

— Пропорція не та! — догадался я.

На девятой пропорціи получилось почти, по-моему, нужное, но когда я наложилъ краску на грунтъ — получилось явно совершенно ненужное.

Я прибавилъ на палитру кобальтъ (только порядочныхъ людей вводятъ въ заблужденіе своими названіями!) — лучше не стало. Я добавилъ поль-веронезъ — ни чуточки не лучше. Я разсердился и надавилъ кадміумъ, смѣшалъ всю кучу, сбиль, какъ сбиваютъ густыя сливки, обильно полилъ сверху ноаръ-де пеш'омъ и... перевернулъ дощечку на другую сторону.

— Нѣтъ, не сдамся! — воскликнулъ я и, сдѣлавъ на другой сторонѣ бѣлый грунтъ, рѣшилъ вмѣсто сложнаго пейзажа написать простой: лужайку.

Двумя движеніями — туда и обратно — широкой кисти я написалъ изумрудной зеленью лужайку.

Какъ истинный художникъ, я остался недоволенъ своимъ произведеніемъ и честно и открыто, прямо въ глаза себѣ (при помощи карманнаго зеркала), указалъ на недостатки:

— Это видъ лужайки съ аэропланнаго полета. Нужно, чтобы не только летчики, но и люди земли могли понять, что это лужайка, а не поль, обтянутый зеленымъ сукномъ.

Я отнесся съ уваженіемъ къ критикѣ моего произведенія и согласился:

— Правильно!.. Каждая травинка должна быть видна отдѣльно, не то получается пятно... Я проложу новые пути въ искусствѣ пейзажа!

Проложилъ: карманнымъ гребешкомъ я нѣсколько разъ провелъ по разнымъ направленіямъ по этюду и... даже ребенокъ, никогда не бывшій на лонѣ природы, понялъ бы, что это лужайка.

Окрыленный успѣхомъ, я рѣшилъ оживить лужайку горной рѣчкой: узенькой извилистой ленточкой воднаго пространства.

Серебристая (я смѣшалъ бѣлила съ кадміумомъ и еще какой-то — ярлычекъ отклеился и затерялся — краской) ленточка выглядѣла кружевной оборочкой и меня не удовлетворяла: не чувствовалось бурнаго теченія горной рѣчки.

Я посадилъ на рѣчкѣ два камня (ноаръ де пешъ + бѣлила, по принципу: блѣднѣющій негръ становится, говорятъ, сѣрымъ), но они не вызвали бурнаго теченія.

Превратилъ рѣчку въ первобытное состояніе: лужайку, а на лужайкѣ развелъ озеро.

Чтобы сдѣлать его болѣе глубокимъ, я выдавливалъ трубочки, минуя палитру, прямо на этюдь.

Озеро вышло изъ береговъ, затопило всю лужайку, мои новыя брюки, мои старыя руки...

Я швырнулъ озеро въ рѣку... ту, на берегу которой я сидѣлъ.

Это былъ первый въ природѣ случай, когда озеро впадо въ рѣку!

... Я сложилъ кисти: эти черти-художники, кромѣ секрета смѣшенія красокъ, знаютъ, несомнѣнно, еще какой-то!

Попытаюсь подкупить какого-нибудь фабриканта красокъ!..

Исидоръ Гуревичъ.

P. S. Гребешокъ пришлось выбросить.

„ЛИТЕРАТУРНАЯ СВОЛОЧЬ“.

Когда король взойдет на тронъ, —
 (Изгнанья ночь не вѣчно длится)
 Къ нему опять со всѣхъ сторонъ
 Вся эта сволочь устремится.
 Сперва одинъ по одному,
 А тамъ — и всѣмъ гуртомъ голоднымъ,
 Чтобъ сапоги лизать ему,
 Потѣя въ рвеньи благородномъ,
 И, изступленно вопія,
 Сопечатлѣтъ въ истошномъ крикѣ,
 Что, моль, и я! и я! и я!
 Готовъ лизать сапогъ владыкѣ.
 И воцарившійся король
 Въ своемъ презрѣнн, быть можетъ,
 Забудетъ ихъ былую роль,
 Лакейскихъ душъ не потревожить, —
 — Пускай живутъ, — промолвить онъ:
 Со тлей считается не пристало.
 И стража вышвырнетъ ихъ вонъ
 Изъ раззолоченнаго зала. **Василій Князевъ.**

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

„Засыпались“.

Тартаренъ изъ Тараскона увѣрялъ, что цифровыя данныя въ его разсказахъ всегда самыя точныя. Если же онъ и прибавляетъ, то всего одинъ, ничего не значащій, нуль, да и то сзади.

Германскіе Тартарены въ официальныхъ реляціяхъ поступаютъ какъ разъ наоборотъ: берутъ солидную увѣсистую цифру и прибавляютъ ее непремѣнно спереди.

Газеты по этому поводу сообщаютъ:

Въ официальномъ сообщеніи германской главной квартиры, въ редакціи, переданной въ Швецію 13 июля нашего стила, заключалось утверждение, что армія генерала Линцингена за четыре дня боевъ при ея вторичной переправѣ черезъ Днѣстръ у Журавно захватила 53,500 русскихъ въ плѣнъ. Извѣстіе это вызвало нѣкоторое недоумѣніе въ нейтральныхъ странахъ. На этотъ разъ послѣдовало со стороны германцевъ опроверженіе; по провѣркѣ оказалось плѣнныхъ не 53,500, а только 3,500.

Неточность, охотно допускаемая въ анекдотахъ для мужской компании и вредная для довѣрчивыхъ германскихъ читателей газетъ... Впрочемъ, имъ виднѣе: вѣдь обманываютъ ихъ...

Критики.

Многіе оборотливые люди при расплатѣ съ сердитымъ кредиторомъ называютъ его Рафаэлемъ и Байрономъ, за его умѣнье подождать еще двѣ недѣли.

Официозная „Кельнская Газета“ уподобляется такимъ оборотливымъ людямъ:

Бельгійскій „Метрополь“ сообщаетъ, что фламандскій писатель Франсуа Лятеръ, пишущій подъ псевдонимомъ Стинъ Стревельсъ, удостоился одобрения официозной „Кельнской Газеты“. Стревельсъ издалъ „Дневникъ войны“, въ трехъ томахъ, въ которыхъ разсказываетъ о событіяхъ, пережитыхъ Бельгіей съ августа по октябрь. Въ своей книгѣ, изданной въ Амстердамѣ, фламандскій писатель очень благосклонно относится къ германской арміи. Этого обстоятельства было достаточно, чтобы „Кельнская Газета“ признала его по таланту равнымъ... Толстому.

Съ этой точки зрѣнія не меньшую услугу литературѣ создалъ и знаменитый майоръ Прейскеръ. По его популярности газета должна сравнить его, по крайней мѣрѣ, съ Іудой.

Намекъ судьбы.

Роковой символъ грозно нависъ надъ Венгріей:

Въ Будапештѣ частью выгорѣла самая обширная фабрика клея въ Венгрии.

И такъ-то въ Венгрии дѣла не особенно клеились, а теперь, послѣ этого случая, вѣроятно, совсѣмъ расклеятся.

Трудолюбивые турки.

Лучше поздно, чѣмъ никогда.

Только теперь, кажется, турки нашли и стали примѣнять правильную манеру обращенія съ ихъ союзниками — нѣмцами.

Изъ Константинополя сообщаютъ о гибели въ Мраморномъ морѣ двухъ германскихъ подводныхъ лодокъ, разстрѣянныхъ по недоразумѣнію турецкими миноносцами. Подводныя лодки приближались къ берегу; вслѣдствіе тумана условныя сигналы были не поняты, миноносцы открыли огонь и потопили лодки. Изъ командъ подводныхъ лодокъ спаслось только трое.

Когда недоразумѣніе обнаружилось, то, говорятъ, турки много смѣялись.

Ненависть.

„Биржев. Вѣд.“ приводятъ переводъ стихотворенія бельгійскаго поэта Камартса „Пожеланія на Новый годъ“ — произведенія, исполненнаго самой жгучей, испепеляющей ненависти къ нѣмцамъ:

„Я желаю, чтобъ вѣчно, безъ конца и предѣла,
 Ваше сердце болѣло.
 Я желаю, чтобъ каждый вашъ шагъ по дорогѣ
 Жегъ огнемъ ваши ноги.
 Чтобы слухъ вашъ не слышалъ и не видѣли очи
 Красоты сладкозвучной.
 Чтобы небо надъ вами всѣ дни и всѣ ночи
 Было сѣро и скучно“.

— Подумаешь, какъ страшно! — засмѣялся нѣмецъ, проглотивъ кружку пива. — Это что! А вотъ, когда мы бельгійскимъ дѣтямъ глаза выкалывали — это былъ номеръ! Это вамъ, батеньки, не малокровное пожеланіе сѣраго неба надъ головой! Это вамъ не красота сладкозвучная!

Литературныя новости.

Непопулярность нѣкоторыхъ благихъ начинаній сильно мѣшаетъ имъ принять широкую общественную окраску.

Изъ Семипалатинска „Сиб. Жизни“ сообщаютъ, что копальскіе богачи-киргизы Турбековы назначили премию въ 2000 рублей за хорошій романъ на киргизскомъ языкѣ. На соисканіе премии объявилось 9 кандидатовъ, написавшихъ 9 романовъ.

Какъ жаль, что никто изъ нашихъ беллетристовъ, языкъ которыхъ съ недавняго времени сталъ напоминать киргизскій языкъ не принимаетъ участія въ этомъ полезномъ конкурсѣ...

„НѢТЪ ЛИ У ВАСЪ СПИЧЕКЪ?..“

(Изъ пѣсень богемы.)

Вопроса въ мірѣ нѣтъ прелестнѣй
 Для тѣхъ, кто въ мебелирашкѣ гасъ!
 И, какъ слова изъ старой пѣсни,
 Онъ и теперъ волнуетъ насъ!..

Въ вопросѣ этомъ — ядъ завязки,
 Къ желанному знакомству путь,
 Завѣса предъ волшебю сказки,
 Вдругъ пріоткрывшаяся чуть!..

Когда съ вопросомъ робкимъ этимъ
 Сосѣдка обратится къ намъ, —
 Ее съ нѣмымъ восторгомъ встрѣтимъ —
 И сбывшимся повѣримъ снамъ!..

О, мигъ, когда, — полна тревоги, —
 Предъ нами, подавивши страхъ,
 Стоитъ сосѣдка на порогѣ
 Съ ненужнымъ коробкомъ въ рукахъ!..

«Раздастся ль завтра стукъ негромкій?..»
 Но завтра — къ намъ любезенъ рокъ, —
 И ножка милой незнакомки
 Переступаетъ нашъ порогъ!..

И, можетъ быть, прекраснымъ встрѣчамъ
 Не воплотиться бь никогда,
 И помянуть намъ было бь нечѣмъ
 Нашъ путь, безъ радости слѣда;

Съ сосѣдкой жили бѣ мы бокъ-о-бокъ,
Какъ въ смежныхъ камерахъ тюрьмы,
Когда бѣ... со спичками корѣбокъ
Такъ часто не «теряли» мы!..

Въ корѣбкѣ спичекъ — счастье наше,
Залогъ неомраченныхъ дней;
Съ ней наша жизнь проходить краше,
И наше будущее — въ ней!..

И жить не скучно, тайно вѣря,
Что насъ не минетъ свѣтлый часъ:
Къ намъ робко постучатся въ двери
И спросятъ: «Спичекъ... нѣтъ у васъ?..»

Мы съ жизнью не боимся стечекъ!
Пусть много бѣдъ таитъ она, —
Когда у насъ корѣбка спичекъ,
Намъ жизнь нисколько не страшна!..

Михаиль Пустынинъ.

Рис. Миссъ.

СТРАТЕГИЧЕСКІЙ ХОДЪ.

- Какимъ же ты образомъ, Зюлейка, попала въ плѣнь къ этому ловеласу?
- Понимаешь: я сдалась, потому что онъ меня окружилъ.
- Одинъ человѣкъ?!
- Ну да: руками.

Рис. Д. Митрохина.

М О Н А Ш К А.

Профиль вычерчен задумчиво и тонко,
А въ глазахъ отцвѣтшая печаль...
Ей сегодня прошлаго не жаль —
Въ ней такъ много грустнаго ребенка.
За стѣной степной ковыль колышетъ
Вѣтерка загадочный полетъ,
И никто псалмовъ ея не слышитъ,
И никто улыбки не пойметъ...
Ей когда-то просто рассказали
Въ штабѣ, что убить ея женихъ,
И тогда въ ней умъ больной затихъ,
И пути закрытыми всѣ стали,
Но она нашла послѣдній путь,
Путь любви, развѣянной въ молитвѣ,
Чтобы могъ покойнѣе уснуть
Кто-нибудь на полѣ злобной битвы!..

Сергѣй Михѣевъ.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Одна владивостокская газета сообщаетъ:

„Вчера нами получено слѣдующее письмо:

„М. Г., г. редакторъ, не будете ли любезны объяснить, что это значитъ? Одна изъ мѣстныхъ газетъ за послѣднее время уже нѣсколько разъ итальянскую газету „Мессаджеро“ превращаетъ въ городъ, а австрийскую область Триентино выдаетъ за депутата итальянскаго парламента.“
Читатель.“

Дѣйствительно, могутъ получиться неожиданные результаты, если Дворецъ Дожей назначить командиромъ итальянской эскадры и устроить бой въ Саландрѣ, около залива Джюлитти.

Лѣтомъ нѣкоторые газеты и журналы удивительно глупѣютъ.

Отъ жары это или отъ чего другого — неизвѣстно.

„День“, напримѣръ, помѣщаетъ огромную корреспонденцію изъ Кисловодска, въ каковой корреспонденціи, между прочимъ, рассказываетъ, какъ Аркадій Аверченко читалъ на группахъ свои рассказы и какъ это, дескать, нехорошо, потому что имя его красуется на афишахъ, и что писатель вообще долженъ не читать, а писать.

Это, конечно, съ какой стороны взглянуть на этотъ вопросъ.

Такой писатель, какъ авторъ корреспонденціи (какой-то К. Пономаревъ), по нашему мнѣнію, не только не долженъ читать, но и писать.

Тѣмъ болѣе писать, перемѣшивая правду съ самой безпардонной ложью, въ родѣ того, что Аверченко рассказывалъ о томъ, „какъ я женился“ (?) и о тещѣ.

Мы понимаемъ, что у человѣка болитъ печень, что въ театрѣ русской литературы онъ, по волѣ судьбы, только театральныи плотникъ, что ему не везетъ въ жизни и ему нужно вообще выругаться; но зачѣмъ при этомъ лгать, что въ газетахъ появились біографіи (?) Аверченко, огромныя рекламныя статьи, — въ то время, какъ никакихъ біографій не было, а вмѣсто „огромныхъ статей“ была напечатана одна крохотная замѣтка въ 50—60 строкъ. Зачѣмъ лгать, что театръ былъ на двѣ трети пустъ, когда онъ, несмотря на плохой курортный сезонъ, былъ на двѣ трети полонъ? Зачѣмъ лгать, что Аверченко высмѣивалъ студента черниговскаго землячества, когда Аверченко въ этомъ разсказѣ осмѣиваетъ исключительно самого себя.

И вся эта нарочитая, тенденціозная, развязная и неслыханная по хамскому тону корреспонденція напечатана въ той газетѣ, въ которой Арк. Аверченко сотрудничалъ больше года и откуда ушелъ по собственному желанію.

Неужели, лѣто такое время года, когда редакторъ можетъ съ легкимъ сердцемъ уѣхать на дачу, а составленіе газеты поручаетъ разсылному Никифору?

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятая рукопись не возвращается по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

— Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменныя отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіи 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Г-жѣ * * * Вашъ романъ, къ сожалѣнію, не подошелъ...

Сеничкѣ. — Сеничка думаетъ, что онъ писатель: „Я думаю, что мы, писатели, — пишетъ онъ въ письмѣ, — должны, наконецъ, сплотиться...“

О такихъ писателяхъ можно сказать, перефразируя извѣстное выраженіе:

„Писатель пописываетъ, а редакторъ пошвыриваетъ“.

И это единственное спасеніе для читателя.

М. М. С. — Отрывокъ изъ разсказа:

„Старуха какъ-то странно охнула, руки ея поднялись дыбомъ (!) и безъ звука (а „охнула“ это не считается звукомъ?) свалилась на траву“.

Не выдержала такого слога бѣдная старуха.

Б. Москва.

У. Ногару. — Слабо. Сину. — Не подошло. Г-ну Азрѣ. — Плохо.

В. Провинція.

Кишиневъ. Жакъ Нуар'у. — Стихотвореніе „До востребованія“ принято.

Азовъ на Д. В. Лазурному. — Не подошло.

Новочеркасскъ. — Шароварову. — Живется Шароварову, очевидно, не важно, потому что, развеселившись, начинаетъ онъ остричь такъ:

— „Вы знаете, я самородокъ.“

— Почему?

— Самъ родился. Безъ посторонней помощи“.

Шароварову удалось безъ посторонней помощи родиться... Но если онъ такъ будетъ остричь, — едва ли удастся ему умереть безъ посторонней помощи.

Устюжна, — Дядь Никъ:

„Я мужчина бель-омъ,

Моя грудь колесомъ,

Плечи, какъ алебастръ,

И глаза цвѣта астръ“.

Въ творествѣ такого рода голова автора принимаетъ самое поверхностное участіе: роль ея сводится лишь къ тому, что она не даетъ галстукъ сваливаться на рукопись.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

3-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

3-й годъ изданія.

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. Съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 руб. 25 к. на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, 88. Телефонъ № 59-07.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

Ресторанъ открытъ до 2 час. ночи.

ВЪ СЕНТЯБРѢ 1915 года въ ПЕТРОГРАДѢ (Ивановская, 14; тел. 483-38)

ОТКРЫВАЕТСЯ ШКОЛА ПЛАСТИКИ

и сценической выразительности

Кл. Л. ИСАЧЕНКО-СОКОЛОВОЙ.

Предметы преподаванія: ПЛАСТИКА ЕСТЕСТВЕННЫХЪ ДВИЖЕНІЙ (АНТИЧНАЯ), мимика, ритмическая гимнастика (сист. Жакъ Далькрозь), сольфеджіо, хоровое пѣніе, декламация. Въ предм ты проходятся въ одномъ общемъ планѣ. Курсъ преподаванія 2—3 года, смотря по способности учащихся. Принимаются лица обоего пола и дѣти съ 7-лѣтн. возраста.

ОСОБЫЙ ДѢТСКИЙ КЛАССЪ. Приемныя испытанія отъ 1—15 сентября.

Программа и условия высылаются бесплатно. Съ требованіями обращаться: до 1-го августа письменно, послѣ 1-го августа письменно и лично въ будни отъ 10—2 ч. дня въ канцелярію „Школы“ (Ивановская, 14); тамъ же можно видѣть образцы нужныхъ для занятій костюмовъ: хитона, гимнастическаго и сандалий.

ВЫЖИГАНІЕ. ВЫПИЛИВАНІЕ. МЕТАЛЛОПЛАСТИКА.

Альбомы художеств. рисунковъ по металлопластикѣ 2 вып. по 80 к. Выжиганію 7 вып.: Цвѣты, Ампиры, Былины, Русскія сказки, Русскій стиль, Модернъ и др. по 80 к. Выпиливанію 5 вып. 60 к. 2 вып. крупн. вещей по 80 к. Выжиганію русск. и др. ст. 7 вып. по 60 к. съ пересылкой.

Высылать техническій книжный складъ М. ПЕТРОВА.

Петроградъ, Б. Подъячская ул., 19. ☆ Москва, Волхонка, 1 уг. Знаменки.

ВЫТЯЖКА

ИЗЪ

СЪМЕННОХЪ

ЖЕЛЕЗЪ

лабораторіи

Д. КАЛЕНИЧЕНКО

ПРИМѢНЯЕТСЯ ПРИ:

Неврастеніи, истеріи, невралгій, старческой дряхлости, малокровіи, подагрѣ, артеріосклерозѣ, хронич. разстройствѣ питанія, общей слабости отъ тяжкихъ болѣзней и проч.

Отпускается изъ аптекъ по рецептамъ врачей.

Вытяжка изъ сѣменныхъ железъ изготовляется естественнымъ путемъ.

Гг. врачамъ сѣменная вытяжка лабораторіи Д. Калениченко для наблюдений высылается БЕЗПЛАТНО.

ЛИТЕРАТУРА ПО ТРЕБОВАНІЮ
БЕЗПЛАТНО.

Одинъ флаконъ сѣменной вытяжки въ продажѣ 2 р. 50 к., пересылка — 40 к., пересылка свыше одного флакона — БЕЗПЛАТНО.

Адресъ: Органотерапевтическая лабораторія Д. Калениченко, Москва, Козловскій пер., д. 10, кв. 290.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59-07.

Выписывающіе со склада издательства за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

О хорошихъ въ сущности людяхъ.

7-е изданіе. — Цѣна 1 р. 25 к.

КРУГИ ПО ВОДѢ.

16-е изданіе. — Цѣна 1 р. 25 к.

САТИРИКОНЦЫ ВЪ ЕВРОПѢ.

Цѣна 1 р. 25 к.

ВОЛЧЬИ ЯМЫ.

Цѣна 50 коп.

БОМА ОПИСКИНЪ.

СОРНЫЯ ТРАВЫ.

Цѣна 1 р. 25 к.

ТЭФФИ.

НИЧЕГО ПОДОБНАГО.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

И СТАЛО ТАКЪ.

6-е изданіе. — Ц. 1 р. 25 к.

КАРУСЕЛЬ.

3-е изданіе. * Цѣна 1 р. 25 к.

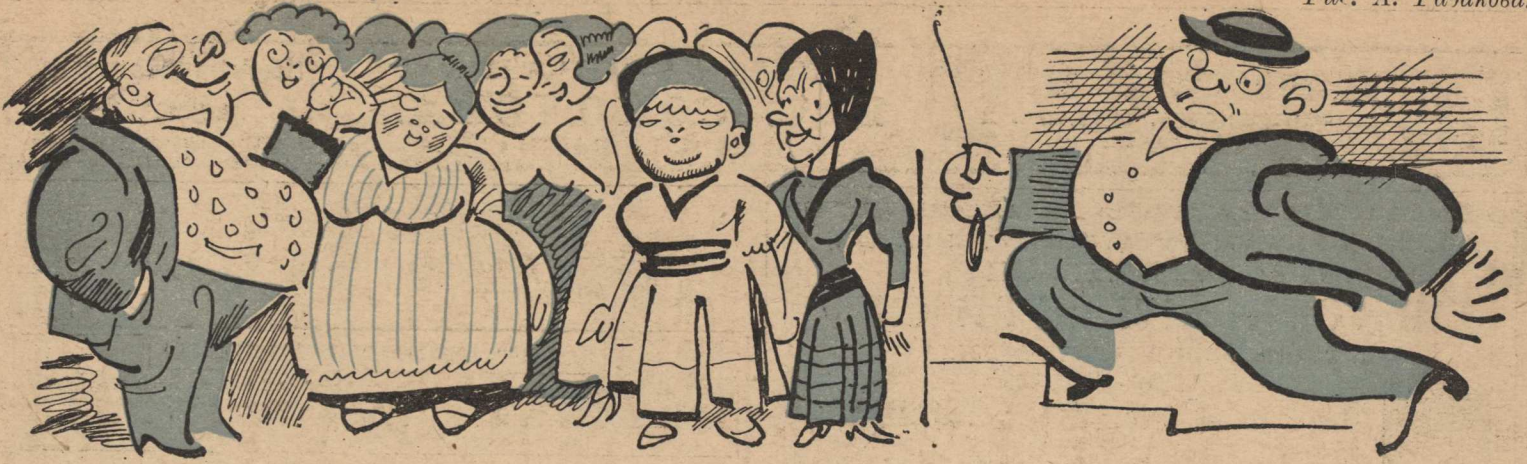
ДЫМЪ БЕЗЪ ОГНЯ.

6-е изданіе. — Цѣна 1 р. 25 к.

ВЛАДИМІРЪ ВОИНОВЪ.

СОЛНЕЧНЫЕ РАЗСКАЗЫ.

Цѣна 1 р. 25 к.

— Прекрасныя германки! — сказалъ Фрицъ, — кайзеру нужны побѣды, для побѣды нужны солдаты, для производства солдатъ нужны женщины. Я выбралъ васъ для этой великой мисси. Приготовьтесь

Потомъ онъ помчался по Берлину, въ погоню за шаферовъ и денегъ на семь свадебъ.

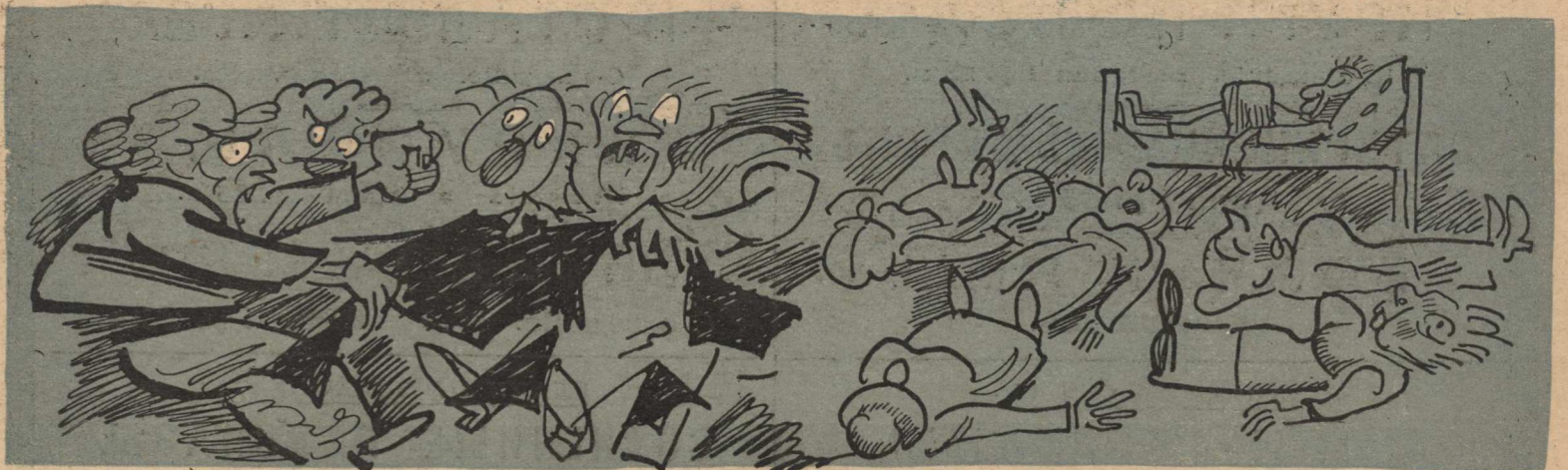
Долго отыскивалъ подвѣчное платье, которое было бы впору всѣмъ семи невѣстамъ.

Измученный, больной, похудѣвшій, явился онъ домой черезъ четыре дня...

Семь обѣдовъ, приготовленные изъ шелухи картофеля и хлѣба ка-ка, ждали его. И всѣ семь обѣдовъ долженъ былъ сѣсть онъ, чтобы сказать, какая изъ невѣстъ самая хорошая кухарка.

Черезъ полчаса слегъ. Семь порцій касторки проглотилъ бѣдняга, семь рубашекъ надѣли на бѣднягу, а черезъ часъ семь женщинъ источали потоки слезъ, оплакивая бѣднягу.

Нѣмки были дуры и не могли купить трауръ, который былъ бы впору всѣмъ:
— Я больше всего любила Фрица, я и надѣну! — сказала Гретхенъ.
— Нѣтъ я! — Нѣтъ я! — кричали семь глотокъ, и ключья водлось смѣшались съ ключьями траура...

Да... такъ кончилась вся эта истор'я. Восемь хладныхъ труповъ — и ни одного солдата для кайзера.
Читатель, это все такъ поучительно, что совѣтую тебѣ еще разъ просмотрѣть этотъ рисунокъ.